

УДК 947.083(470.6)

ББК 63.3(2)524

А - 23

Агасиев Икрам Керимович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института Истории Национальной Академии наук Азербайджана (г. Баку), e-mail: ikramagasiyev@mail.ru, тел.: (050)4297973.

**КАВКАЗСКИЕ НЕМЦЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ(1914-1917 ГГ.)**

(рецензирована)

В этой статье автор поставил задачу выявления региональных особенностей в реализации «ликвидационных законов», определения синхронности в действиях центра и администрации на местах, характера этих действий и степень их разнообразия, влияния геополитических факторов на борьбу царизма против «немецкого засилья» в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: «ликвидационные законы», антинемецкая компания, царизм, колония, староста, гофмейстер.

Agasiyev Ikram Kerimovich, Candidate of Historical Sciences, associate professor, senior researcher at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, (Baku), e-mail: ikramagasiyev@mail.ru, tel.: (050) 4297973.

**CAUCASIAN GERMANS DURING THE FIRST WORLD WAR:
SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO - POLITICAL SITUATION (1914-1917)**

In this article the author has identified regional characteristics in the implementation of the 'liquidation laws', has defined the synchronicity in actions of the local administrative centers, the nature of these activities and their degree of diversity, the influence of geopolitical factors in the struggle of the tsarism against German dominance in the First World War .

Keywords: 'liquidation laws', anti-German company, the tsarist government, the colony, the monitor, comptroller.

С первых месяцев начала Первой Мировой войны в Российской империи началась антинемецкая кампания и первым мероприятием этой кампании стал Указ царя Николая II от 22 сентября 1914 года, по которому неприятельским подданным запрещалось приобретать в частную собственность недвижимое имущество. На ожесточение политики царизма по отношению к немецкому населению большое влияние оказывала ксенофобия, утвердившаяся среди русского населения империи. Власти стали с подозрением относиться к выходцам воюющих с Россией держав. Как во всех стратегических регионах, так и на Кавказе полицейскому департаменту было дано указание вести строгое наблюдение за лицами германского происхождения.

25 сентября 1914 года, гофмейстер высочайшего двора Петерсон, сообщил совершенно секретно Наместнику Кавказа: «В переделах Кавказского края, по условиям возраста, оставлено на жительство много германских и австрийских выходцев, в совершенной лояльности которых не может быть вполне уверена местная власть. Прошу, в интересах государственного порядка, принять меры к установлению обширной сети самого тщательного и энергичного негласного наблюдения за всеми лицами. Установить наблюдение не только за немецкими колонистами, но и за лицами женского пола, гувернантками, боннами и т.п., принадлежащими к подданству воюющих с нами держав и которые могут быть причастны к различным организациям по шпионажу»(1,л.6). Активизация деятельности германофильских кругов в самом императорском дворце вызывала беспокойства у российской общественности, и усиливая контроль над немецким населением страны, царское правительство преследовало цели успокоить взбудорожанную общественность. Одним из дискриминационных мероприятий царизма против немецкого населения являлась ликвидация немецкой топонимики. По указу царя от 15 октября 1914 года все города, поселки и другие населенные пункты, носившие немецкие названия должны были переименованы, на русский

ладь(1,л.6,9). После издания данного указа первым был переименован город Санкт – Петербург – с октября 1914 года он назвался Петроградом. На Кавказе, начиная с весны 1915 года, были переименованы многие немецкие колонии. Например, колонии Ставропольской губернии Петерсталь стала называться Селивановской, Либенталь – Брусиловкой, Руенталь – Радковкой, Эбенталь – Руссовкой, Немецко-Хагинская – Хагинской, Вельгейм – Колтуновкой, Гофнунгсфельд – Колонтаровкой и т.д. Переименованию подверглись также немецкие колонии Южного Кавказа. Так, как по циркуляру Наместника Кавказа от 09 февраля 1915 года колония Еленендорф была переименована на Еленено, Анненфельд – на Аннино, Эйгенфельд – на Петровку, Георгсфельд – на Георгиевское, Грюнфельд – на Зелёную Поляну, Траубенфельд – на Виноградное Поле, Екатериненфельд – на Екатериненское, Траубенберг – на Новый Аллабар, Елизаветталь – на Асуретское, Александерсгильф – на Александровское и Петерсдорф – на Петровку(5, л.2-3; 6, л.25). Как видим новое название колоний, увековечили имена русских царей, их родичей или же русских полководцев – героев разных сражений, что свидетельствует об идеологическом характере проведенной акции.

Антинемецкая кампания служила также цели решения существующих социально – экономических проблем за счет ограбления массы немецких предпринимателей и колонистов. Под предлогом освобождения России от враждебного влияния неприятельских держав на внутреннюю жизнь империи, и прежде всего на экономику, были приняты законы, направленные на ликвидацию в России иностранного землевладения и землепользования. Такими являлись закон от 02 февраля 1915 года о прекращении землевладения и землепользования австрийскими, венгерскими и германскими подданными(24,с.564-568). В этом указе говорилось, что в западных и южных приграничных губерниях недвижимое имущество лиц немецкого и австро-венгерского происхождения экспроприируется на основе добровольного согласия обеих сторон. Экспроприация касалась также горожан немецкого и австро-венгерского происхождения. Принадлежность к российскому или какому - либо иностранному подданству в данном случае не имела значения. Положения указа не касались тех колонистов, которые приняли российское подданство до 1880 г.

Действие указа распространялось в следующих географических границах:

- в губерниях, которые находились в радиусе 150 верст от Германских и Австро-Венгерских границ;
- в губерниях, находящихся в радиусе 100 верст от границ Финляндии;
- в губерниях, которые находились в радиусе 100 верст от берегов Черного, Азовского, Каспийского морей (24, s.565).

На иностранцев православной веры, на общины, отдельных лиц, которым земля была подарена, на немцев славянского происхождения, а также семьи, где кто-либо из её членов служил в Российской Армии, действие указа не распространялось.

Срок добровольной передачи имущества был определен следующим образом:

- для губерний в радиусе до 150 верст от Германских и Австро - Венгерских границ - 10 месяцев;
- для губерний в радиусе 100 верст от южных и северных рубежей империи - 1 год 4 месяца со дня опубликования списка хозяйств, которые подлежали конфискации(24, с.565).

Если до окончания срока собственность не передавалась добровольно, естественно, за мизерную компенсацию, то её продавали с молотка.

По мере продвижения германских и австро-венгерских войск в глубь Российской империи социально-экономическая и политическая напряженность в стране нарастала. Началась открытая травля немецкого населения уже в официальных органах печати. Многие газеты и журналы открыто пропагандировали ненависть к немецкому населению. В этом плане наиболее активными были газеты «черносотенцев», на страницах которых звучали призывы к физическому устранению немецкого населения. . В 1915 г. вышла в свет книга русского автора Ренникова «Золотой Рейн»(22). Она пропагандировала идеологию шовинизма, национализма и призывала население империи уничтожить всех немцев, проживающих в России. Пропаганда нетерпимости, ненависти по отношению к немецким колонистам была своего рода психологической обработкой населения перед запланированными мерами по ликвидации хозяйств немецких колонистов.

Действия закона от 02 февраля 1915 года о ликвидации немецкого землевладения на отдельные регионы Кавказа распространялось постепенно. На территории Кавказа впервые

вышеназванный закон применялся в Кубанской области, что было связано с активизацией германских военных сил на территории Ростовской области и в восточном побережье Черного и Азовского морей. Для справки, отметим, что к 1915 году на территории Кубанской области проживало около 12 тыс. немецкого населения(10, л.1).

Уже с лета 1915 года началось составление списков немецких хозяйств. Как видно из архивных документов, за лета 1915 года, в 7 немецких колониях ликвидации подлежало 73 немецких хозяйств, земельная площадью которых была равна 16343 десятинам(13,л.23-25). Следует отметить, что все хозяйства подлежащих к ликвидации хозяйств, являлись российскими подданными(14, с.12-16).

Уже в июле 1915 года началось составление списков немецких хозяйств Терской области, подлежащих к ликвидации. Первый этап составления «ликвидационных списков» завершился в сентябре 1915 года, по которым в Терской области должно было ликвидировано 28 немецких имений, в распоряжении которых было 3665 дес. земли (6, л.9,100).

Составление ликвидационных списков на Кубани и в Терской области продолжалось и последующие месяцы. Ликвидация немецких хозяйств в Ставропольской губернии началась сравнительно поздно, чем в других северо-кавказских регионах, что объясняется географическим местоположением губернии: по IV разделу закона от 02 февраля 1915 года Ставрополье не подлежало действию ликвидационных законов. Однако, местные власти, и в особенности губернатор Ставропольской губернии князь Оболенский из кожи вон выходил, чтобы закон от 02 февраля 1915 года тоже применялся по отношению к немцам Ставрополя. Поскольку, по указу царя от 12 августа 1914 года Ставропольская губерния в военном отношении была включена в состав Кавказского края, губернатор настоятельно требовал применения этого закона в возглавляемой им губернии.

Вторая волна антинемецкой кампании началась после выхода закона от 13 декабря 1915 г., когда некоторые «мягкие» положения закона от 2 февраля 1915 г. приобрели более жесткую форму. Новый закон отменил 3-й пункт предыдущего, закрепив, таким образом, обязательность применения ликвидационных законов против германских выходцев независимо от подданства(17,с.38-44).

Следует отметить, что закон от 2 февраля 1915 года к немцам Закавказья не относился. Только закон от 13 декабря 1915 года «О некоторых изменениях и дополнениях узаконения 2 февраля 1915 года о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских венгерских или германских выходцев» предусматривал ликвидации хозяйств немцев Закавказья. В связи с этим в «Елизаветопольских губернских ведомостях» №20 от 8 марта 1916 г. указывалось, что в силу Высочайше утвержденного 13 декабря 1915 г. закона «недвижимые имущества, как находящиеся вне городских поселений и принадлежащие жителям села Еленино (бывшая колония Еленендорф) Елизаветопольского уезда, являющихся германскими выходцами, подлежат отчуждению владельцами его, согласно ст. 1 отд. IV правил от 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных в течение десяти месяцев, со дня пропечатания настоящего объявления в «Губернских ведомостях»(4,л.39). Колонисты с большой обидой восприняли указ о лишении немцев Закавказья земель, которыми они владели или которыми они пользовались, поскольку в момент переселения в Россию они являлись не германскими, а баденвюртембергскими подданными(4, л.43-45)

После опубликования ликвидационных списков каждый колонист, внесенный в эти списки, имел право через губернские власти жаловаться в Сенат о неправомерности внесения его в ликвидационный список. Данным правом колонист должен был пользоваться в течение месяца после опубликования ликвидационного списка, но это было формальностью, т.к. вопросы ликвидации землевладения колонистов решались в большей мере местными властями, и в подавляющем большинстве случаев не в пользу колонистов(4, л.47)

Реакция колонистов из западных губерний и Кавказа на ликвидационные меры были отнюдь неодинаковы. Например, если на Волыни иногда дело доходило до вооружённой формы борьбы против ликвидации хозяйств, как это имело место в колонии Александровка – Федороветская Новоград – Волынского уезда(26,с.55-57), то на Кавказе колонисты довольствовались жалобой в Правительствующий Сенат, где они требовали отмены несправедливо против них принятых законов. Однако это и другие жалобы колонистов остались без ответа(4,л.43-45; 6,л.21,48,77).

Самыми бесправными оказались подданные иностранных государств, которых освобождали

из мест ссылки или лишения свободы, а затем в принудительном порядке поселяли в назначенных волостях, где в течение 5 лет они должны были жить под сильнейшим полицейским надзором. Через 5 лет они имели право принять российское подданство и «переместить место жительства на общем основании»

Особенно жесткая политика велась по отношению к иностранным подданным воюющих стран. В циркуляре департамента полиции губернаторам было дано строгое указание применять по отношению к ним все ограничительные меры в полной силе, «так как в противном случае они пользовались большими правами, нежели все прочие их соотечественники, находящиеся в России». Не разрешалась их приписка к определенным волостям и мещанскому сословию даже после истечения 5-летнего срока без особого распоряжения местных властей и ходатайства, названных лиц о принятии их в российское подданство (16, л.51).

7 мая 1916 г. Совет Министров России принял постановление о водворении в Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии и в Якутскую область тех иностранцев, удаление которых из пределов России не состоялось раньше. Это мероприятие должно было осуществляться в течение трех лет (16, л.23). По распоряжению МВД от 29 мая 1916 г. выселению подлежали иностранцы, проживающие в Европейской части империи вплоть до Казанской губернии, в Закавказье, Туркестане, на Камчатке и других приграничных губерниях. Для каждой губернии определялось специальное место переселения (16, л.51).

Следует отметить, что дискриминации подверглось не только немецкое население. Она проводилась по отношению к каждой национальности, чья историческая родина находилась в состоянии войны с Россией. Например, после подключения Болгарии к Первой мировой войне на стороне сил Тройственного союза Главнокомандующий армиями Юга - Западного фронта отдал распоряжение о применении всех законоположений, касающихся германских, австро-венгерских, турецких подданных, по отношению и к болгарским подданным. Далее в документе говорится, что «славянское происхождение и православное вероисповедание не может служить основанием для неприменения к болгарским подданным ограничительных правил» (16, л.5)

«Ликвидационные законы» были направлены не просто против экономических устоев немецких хозяйств. Особенность культурной жизни российских немцев была в том, что она финансировалась в большей части самими колонистами. Это относится в первую очередь к системе образования.

В период Первой мировой войны в стране серьезно обострился вопрос о немецкой национальной школе, немецком языке как средстве общения, как школьной дисциплине и языке преподавания. Законы, принятые в годы войны решали не просто вопросы образования немцев, но и будущее всей немецкой культуры, всего немецкого народа.

В июне 1914 г. последовали первые запреты, касающихся учителей иностранного подданства. Началось перетряхивание кадров в целях поиска внутренних врагов. В дальнейшем увольнению подверглись учителя российского подданства, но лишь с немецкими фамилиями. И это все проводилось в то время, когда в России остро ощущалась нехватка высококвалифицированных учителей. В августе 1914 г. по распоряжению МНП России все учащиеся, подданные Германии и Австро-Венгрии, были освобождены от занятий до принятия ими русского подданства.

Известно, что закон от 23 марта 1907 года разрешил преподавание на немецком языке в колонистских школах, которые вплоть до 1917 года не получили официального статуса (21). За пределами этого закона остались министерские школы, где преподавание, в основном, велось на русском языке. 24 декабря 1914 года царь Николай II утвердил новое решение, по которому в колонистских школах был введен русский язык обучения. На немецком языке разрешалось преподавать только Закон Божий и родной язык (25, с.76). Преподавание природного языка допускалось только первый год обучения. Следует отметить, что фактическое осуществление этого постановления началось с февраля 1915 года. По всем губерниям империи началось вытеснение немецких учителей, профессоров, начались гонения на немецкие национальные школы, полиция все больше и больше стала выявлять случаи открытия «тайных немецких школ», не подчинявшихся вышеназванному решению. Для ясности отметим, что в 1914-1917 гг. на правительственном уровне не принималось ни одного специального закона или указа о закрытии колонистских или других типов немецких школ. Однако те ограничения и запреты, связанные с употреблением немецкого языка, изгнание учителей и преподавателей немецкой национальности, применение

«ликвидационных законов», законы о военном положении, о мобилизации в армию - все это косвенно способствовали закрытию немецких национальных школ в некоторых регионах.

Самой больной точкой во взаимоотношениях между местными властями, коренным населением и немецкими колонистами было отношение немцев к Германии, которая выступала в войне как член Тройственного союза против России. Следует отметить, что накануне войны связи немецкого населения Кавказа с Германией носили весьма интенсивный характер, что дали повод некоторым исследователям сделать субъективные выводы. Например, по мнению грузинского историка Г.Х.Манджгаладзе, немцы Южного Кавказа как перед войной, так и в годы войны не только симпатизировали Германии, но и активно помогали германской разведке, осуществляли диверсии, дезертировали из российской армии(19, с.19).

Изучение множества архивных материалов, научной литературы по данному вопросу дает основание сделать вывод что ни в накануне, ни в годы Первой мировой войны основная масса немецкого населения Кавказа не совершала поступки, противоречащих государственным интересам их второй Родины-России. Немцы глубоко любили русского царя, и как патриоты были готовы сражаться за свою родину, за своего царя. Хотя, К. Линдеман в политическом отношении российских немцев назвал убежденными монархистами(18,с.177). Их отношение к императору Вильгельму было явно негативным, так как он, объявив войну России, поставил российских немцев в неловкое положение, поскольку большинство из них являлись российскими подданными. К поражениям германской армии они относились равнодушно.

В отличие от западных губерний, где коренное население состояло из представителей славянских народов, и где «местное русское и польское население относилось к немцам - колонизаторам, хотя и русским подданным, крайне враждебно»(15,л.142), на Кавказе, и в особенности в Закавказье местное население сохраняло индифферентное отношение к немцам.

Немецкое население вело себя так, чтобы не давать повода для негативного отношения к ним со стороны местных властей и населения. Как в период мобилизации, так и в последующее время, они вели себя корректно, каких - либо враждебных действий по отношению к Российской армии или к местному населению не проявляли. Все распоряжения правительства выполняли своевременно и аккуратно.

Как видно из наличных документальных источников, жители колоний Кахаевка, Хагинское, Кутурга, Эсто-Хагинское Медвеженского уезда Ставропольской губернии с первых дней войны отправили своих сыновей в Российскую армию, но и активно помогали представителям официальных властей в мобилизации тягловой силы для воюющей армии. В рапорте исправника Александровского уезда той же губернии говорится о том, что жители колоний Великокняжеская – Долина, Николаевская, Степь, Аревал, Лаврово, Святополь, Ташенак, Мариньи Колодцы, Сарона, Темпельгоф и хуторов, что находились в Канглинской, Саблинской волостях своевременно выполняют все распоряжения государственных органов по сбору денежных средств и тягловой силы для фронта(12, л.9,13,51).

Мобилизация также началась и в немецких колониях Южного Кавказа, и немцы присущей им педантичностью выполняли все распоряжения Российского правительства. 02 февраля 1916 года старшина колонии Еленендорф, которая находилась на 7 верстах от г. Елизаветполя (ныне г.Гянджа), получил распоряжения о проведении очередного военного призыва немецкой молодежи в Российскую армию. По этому документу, молодежь, достигшая 19 летнего возраста, а также военнообязанные, уволенные в запас с 1903 года, повторно мобилизовались в действующую армию. В 27 сентября старшина колонии предоставил Елизаветпольскому исправнику список мобилизованных 112 человек, жителей колонии Еленендорф(4, л.5,15).

Как видно из архивных документов, уже к марту 1916 года, 187 человек, в том числе 8 человек в офицерском чине, из колонии Еленендорф, бок о бок с русскими воинами сражались «за честь и славу Отечества против врага»(4, л.44). Кроме того, «жителями колонии пожертвовано в пользу армии 24000 рублей деньгами Елизаветпольскому отделению Российского общества Красного Креста, 12000 бутылок лечебного вина и 540 бутылок коньяку армии, подарки воинам на позициях, свыше 12000 рублей на оборудование и содержание в Еленендорфе лазарета под флагом Русского общества Красного Креста. По мобилизации общество колонии Еленендорф, при наличности всего 2140 человек населения, поставило в армию 580 лошадей со сбруею и 230 четырех конных фургонов»(4, л.44).

С начало войны, «в колонии Еленендорф были последовательно размещены Первый Кубанский Сводный полк, Третий Кавказский казачий полк, Забайкальский Аргунский полк, Елизаветпольский конский запас и пять пароволовых транспортов в составе 1800 лошадей и 3400 быков»(4, л.44). В целом, в годы Первой мировой войны 1480 солдат и матросов, 14 офицеров – выходцев из Закавказских немецких колоний служили в Российской армии. Из них 45 человек погибли, 71-стали инвалидами и 48 человек за проявленную храбрость были удостоены разным орденам и медалям. Нужно подчеркнуть, что кавказские немцы не только воевали в составе Российской армии против врага, но и в тылу активно участвовали в организации помощи действующей армии.

Участие кавказских немцев в кампании по оказанию экономической помощи воюющей армии был сложным всесторонним процессом и осуществлялся в двух направлениях. Содержание первого направления было в том, что немцы, как и все население страны, беспрекословно выполняли все требования правительства по доставке на фронт всего необходимого. Например, в Циркуляре Министра Торговли и промышленности от 17 ноября 1916 года указано, что все лошади, ростом выше двух аршинов, использованные в торгово-промышленных предприятиях должны быть мобилизованы для действующей армии» (5, л.25). В циркулярном предписании Елизаветопольского Губернатора по Губернским приставам от 29 сентября 1916 года дается указание об указании помощи сельским старшинам и местным органам управления в мобилизации лошадей, телег, фургонов и других транспортных средств для нужд армии (5, л.32). Нужно подчеркнуть, что в то время в хозяйствах и местных крестьян, и немецких колонистов в качестве рабочей силы и транспорта, в основном, пользовались лошадьми, телегами, фургонами.

По этой причине, колонисты неохотно отдавали своих лошадей, быков, телег, фургонов, и в некоторых колониях это недовольство выражалось публично. Иногда с действующей армии откомандировались в колонии представители воинских частей, чтобы они оказывали помощь местным старшинам в деле мобилизации лошадей и фургонов для фронта. В Циркуляре начальника Елизаветопольского уезда от 28 апреля 1916 года высказывается требование «точного соблюдения правительственных распоряжений колонистами. В противном случае, им приходилось бы перед судом». Скоро царским правительством принято решение о назначении в немецких колониях правительственных старшин и писарей, которые должны были обеспечить своевременное выполнение всех правительственных распоряжений в колониях и в немецкие колонии Кавказа были назначены новые старшины и писари(11,л.93). Как видно из архивных документов, правительственные старшины и писари назначались со стороны и в подавляющем большинстве случаев, из представителей ненемецкой национальности. Например, старшиной колонии Еленендорф был назначен армянин по происхождению Бахышбек Мелик-Осипов(3, л.24-33). Как видно из документов, старшинами в колониях Северного Кавказа были назначены, в основном, люди славянского происхождения(11, л.75,76,77).

Колонисты с недоверием относились к правительственным старшинам. По этому, в колониях создавались также реквизиционные комиссии, куда кроме старшины и писаря входили также влиятельные колонисты. Реквизиционная комиссия составляла список лошадей, быков, ослов и другой рабочей силы, а также нужных для фронта телег и фургонов, и организовывала «добровольную продажу» всего этого государству. Отметим, что правительство за ездовую лошадь платило 450 рублей, за рабочую лошадь от 186 до 255 рублей в зависимости от категории, и за мула или осла 225 руб. (4, л.44).

Второе направление материальной поддержки кавказских немцев Российской армии носило по содержанию добровольный характер. То есть, немецкие колонии в разных формах оказывали материальную поддержку воюющей армии и активно участвовали в благотворительных акциях в пользу фронта.

Одной из распространенной формой материальной помощи был сбор наличных финансовых средств. Например, в акте, составленном 18 октября 1915 года на собрании лютеранского общества деревни Новагинки Сочинского округа, отмечено: «В виду смутного времени общество желает в этот день пожертвовать в пользу раненных деньги, которые будут отправлены в Новороссийск, Евангелическому Лютеранскому Пастору, который их отправить в Москву, в Евангелическую Лютеранскую Консисторию, где содержится лазарет для раненых воинов». В конце акта отмечено, что колонисты Новагинки собрали пожертвование на сумму 38 руб.50 копеек(11, 5834, л.33).

Исправник Александровского уезда Ставропольской губернии в рапорте от 21 января 1916 года Ставропольскому Губернатору пишет: « В исполнения телеграммы от 14-ого января доношу Вашему Сиятельству с преставлением подробных сведений о расположенных в Александровском уезде немецких колониях и прочих поселениях сведений, что все проживающие в перечисленных в означенных сведениях колониях и поселениях, колонисты... стараются засвидетельствовать себя вполне лояльными и, по-видимому, из этих соображений, по объявлении мобилизации, без всяких со стороны властей принуждений, по собственной инициативе, пожертвовали для русской армии 2 вагона овса, постановили оказать помощь семьям призванных русских запасных по уборке хлеба, распахиванию и обсеменению их полей, а также оказывать некоторым из этих семей материальную помощь и охотно жертвуют на нужды войны. Кроме того, добросовестно выполнили все повинности по поставке в войска лучших лошадей. Случаев проявления враждебности по отношению к России и русскому населению среди колонистов не было» (9, л.55,55 об.). О фактах оказания помощи немецких колонистов российской армии и русским семьям, кормилицы которых находились на фронтах, говорится также в рапортах исправников Ставропольского, Медвеженского, Святокрестовского уездов Ставропольской губернии(9, л.51,55,61,50).

Кавказские немцы оказывали бескорыстную помощь также беженцам войны. На Северном Кавказе особенно многочисленны были беженцы славянского и германского происхождения из западных и юго-западных губерний империи. Кроме того, на Северном Кавказе сконцентрировалось военнопленных немцев численностью 27 тыс., которым местные колонисты оказывали также посильную помощь(20, с.47).

В Закавказье хлынула масса армянских и айсорских (ассирийских) беженцев из зоны Кавказского фронта. Если армяне- беженцы были размешены в окружных деревнях азербайджанцев, то всех беженцев-айсоров, численностью около 800 человек приняли колонисты Еленендорфа. Содержание беженцев осуществлялось из фонда Еленендорфского попечительства по оказанию помощи беженцам. Как видно из документов, жители Еленендорфа – Иоганн Брейтмейер разместил в своем доме 84, Альберт Кох – 65, Готлиб Вакенгут – 31, Альберт Гуммель – 40, Фридрих Андрис – 67, Готлиб Гуммель – 58, Фридрих Рейтенбах III – 96, Христиан Штробель – 43, Иоганнес Онгемах – 96 и Иоганнес Гуммель III – 27 айсорских беженцев из Турции(2, л.50).

В письме Шульца Еленендорфского сельского приказа Елизаветпольскому уездному начальнику от 5 ноября 1915 года сказано, что «расходы Еленендорфского попечительства по оказанию помощи беженцам, расквартированным в колонии Еленендорф за время с 26- го августа по 1-е ноября сего года составили 4243 руб. 55 копеек» (2, л.10).

Таким образом, к концу 1916 года «ликвидационные законы» в отношении этнических немцев действовали во всех областях и губерниях Кавказа. По расчетам царского правительства в результате ликвидации немецких хозяйств в России, в фонд Крестьянского Банка перешло бы около 2-х млн. дес. земли. Однако, как свидетельствуют источники, в годы Первой мировой войны Крестьянский Банк выкупил всего 431 немецких имений, площадью 144984 десятин. Для приобретения этих имений Банк израсходовал 22.472.520 рублей, это означает, что 1 дес. земли обошелся Банку за 155 рублей. Крестьянский Банк отказался выкупить 726 немецких имений по той причине, что документы этих имений были не в порядке, или же за имением числились огромные долги(23, с.25,26).

Как видно из архивных источников, только на Северном Кавказе около 2000 немецких хозяйств подлежало к ликвидации. Однако, только небольшая их часть – приблизительно 11 процентов хозяйств были выкуплены Крестьянским Банком, остальные до конца войны остались невыкупленными (8, л.1-34). Несовершенство юридических актов, регламентирующих порядок отчуждения имущества, создавало дополнительных препятствий и для Крестьянского Банка, и для частных лиц, желающих приобрести себе имущество.

Сильнейшим ударом по российским немцам был принятый 6 февраля 1917 года российским правительством закон, по которому недвижимые имущества русских подданных из германских, австрийских или венгерских выходцев, неотчужденные до этого времени по добровольным соглашениям с лицами, имеющими право на их приобретение, должны были быть проданы с публичных торгов. Это постановление распространялось практически на все губернии Российской империи, где проживали немецкие выходцы, в том числе на весь Кавказский край. Этим закон означал полную ликвидацию земельной собственности российских немцев. После ликвидации

хозяйств немецкого населения, планировалась его полная депортация из Кавказа, как это делалось в западных, юга западных и северо-западных губерниях империи.

С осени 1916 года шла разработка соответствующей законодательной базы. Столь жесткие меры царского правительства вызывали волнения, панику среди немцев Кавказа, которых ожидала судьба волынских, прибалтийских немцев - депортация в Сибирь и другие восточные регионы империи.

Следует отметить, что в тяжелое время для немецкого населения местная кавказская интеллигенция подняла свой голос в их защиту, призывая официальных властей не допускать выселения колонистов в Сибирь(27, л.31-33)

Немцев Кавказа от тотальной депортации спас неожиданный поворот в истории России: в результате февральской революции 1917 г. царизм был свергнут, и власть перешла к Временному правительству. Уже 11 марта 1917г. Временное правительство приняло Постановление «О приостановлении исполнения узаконения о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев», по которому действие ограничительных законов, направленных против немецких колонистов было полностью приостановлено(17, л.38-40). Таким образом, в 1917 году действию ограничительных законов был положен конец.

После рассмотрения истории немцев Кавказа в годы Первой мировой войны, можно сделать вывод, что они стали жертвой германо-российских противоречий, которые, в конце концов, выросли в кровопролитную войну. Подчинение интересов народных масс узкоклановым, личным политическим решениям, безответственное вторжение в общественно-политическую жизнь, в умы людей малопросвещенных дилетантов - публицистов, искусственное нагнетание национальной нетерпимости, поощрение национальной кичливости - все это привело в 1914 г. к трагедии народа, который больше чем полтора века проживал в Российской империи.

Принятые «ликвидационные законы» являлись кульминацией дискриминационной политики царизма по отношению к немцам России, которая проводилась с 70-80-х гг. XIX века. С началом военных действий между Германией и Россией в годы Первой мировой войны царизм получил «мандат» для яростного наступления на немецкий этнос. Спектр действия «ликвидационных законов» был весьма широк, но в особенности от их положений сильно пострадали приграничные губернии, в т.ч. области и губернии Кавказа неравнозначный. Если немцы Северного Кавказа частично были депортированы и их хозяйственная, духовно-культурная жизнь была уничтожена, то ни в одном исследуемом документе не было отмечено о выселении немецких колонистов из Закавказья: дискриминация затронула их только в экономической и культурной сферах жизни. Психологическая атмосфера общества, в которой все это происходило, была разной: коренное население Кавказа не только не выступало против немцев, как это имело место на западных губерниях, а старалось даже защищать их.

Правительственные меры по отношению к колонистам становились отправным моментом для реализации на местах. Но при этом личность исполнителя играла немаловажную роль. В отличие от Кавказа, царские власти в западных губерниях нередко намного превосходили жестокость распоряжений центра, что объясняется военными действиями в этом регионе.

Независимо от географического местоположения, «ликвидационные законы» во всех регионах империи носили реакционный, антинемецкий характер. Они разрушили систему образования, духовные и культурные организации, промышленные, сельскохозяйственные объекты немецкого населения. Царизм демонстрировал неуважение к прежнему законодательству, к своим гражданам немецкой национальности, которые искренно, от души любили своего царя.

Непродуманная политика царизма по отношению к немцам и другим этническим, социальным группам привела к созреванию тех сил, которые уничтожили его самого.

Литература:

- 165
1. ГИА АР (Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики). Ф.46. Оп.2. Д.
 2. ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 337
 3. ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 352
 4. ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 362
 5. ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 371
 6. ГИА Гр.Р. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1
 7. ГИА Гр. Р. Ф. 224. Оп. 1. Д. 4
 8. Государственный Исторический архив Российской Федерации в Санкт-Петербурге. Ф. 1483. Оп 1. Д. 16.
 9. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752.
 10. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 234. Оп. 1. Д. 73.
 11. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5834.
 12. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5843.
 13. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4306.
 14. ГАКК. Ф. 738. Оп. 1. Д. 9.
 15. Центральный Государственный Исторический архив Украины. Ф. 1599. Оп. 1. Д. 130.
 16. Государственный архив Житомирской области. Ф. 70. Оп. 2. Д. 909.
 17. История российских немцев в документах. Т.1 (1763-1992 гг.) / сост.: В.А. Ауман, В. Г. Чеботарева. М.: Изд-во МИГП, 1993. 448 с.
 18. Линдемман К.Е. Законы 2-го февраля и 13 декабря 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России. М., 1916. 687 с.
 19. Манджгаладзе Г.Х. Немецкие колонисты в Закавказье : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970. 35 с.
 20. Пипия Г.В. Политика Германии в Закавказье в 1918 году : сборник документов. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1971. 240 с.
 21. Полное Собрание законов Российской империи. – Изд. 3-е. СПб., 1910. Т.27, № 28842
 22. Ренников А. (Селитренников А.М.) Золото Рейна. Петроград, 1915. 390 с.
 23. Соболев И.Г. Крестьянский поземельный банк и борьба с «немецким засильем» в аграрной сфере (1915-1917гг). // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 24-29.
 24. Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1915 г., отдел 1. Петроград, 1915. 3683 с.
 25. Черказьянова И.В. Вопрос о судьбе немецкой школы Российской империи в годы Первой мировой войны. // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. : материалы междунар. науч. конф. Москва, 17-19 сентября 1999 г. Москва: Готика, 2000. С. 71-96.
 26. Nikel S. Die Deutschen in Wolhynien. Kiew - Charkow, 1935. 112 s.
 27. Шейхзаманлы Н. Азярбайъан истиглал мъъадиляси хатиряляри. Баку, 1997.(на азербайджанском языке).